

данных требовалось бы «снять не больше трех аршин в глубину на пространстве небольшой площади»¹ (или 2,5–3,2 м в глубину – до первоначального уровня)², но не хватило времени.

Помимо архитектурной составляющей, экспедиция занималась и сбором рукописей: к концу пребывания Ф. И. Успенского в городе летом 1916 г. в мечети Орта Хисар, «пригодной под лучший ученый кабинет», византинист собрал библиотеку манускриптов и сохранившихся архивов края. Для описания рукописей пригласили востоковеда и полиглота, преподавателя восточных языков А. Е. Крымского. По собственной инициативе А. Е. Крымский летом 1917 г. составил также краткие описания посещенных им пещер.

Частично результаты экспедиций были представлены Ф.И. Успенским на заседаниях Академии наук и опубликованы в книге «Очерки истории Трапезунтской империи» (Л., 1929). Некоторые члены экспедиции опубликовали свои статьи с результатами, полученными в итоге Трапезундских экспедиций, в 20-е гг. XX в. в журнале *Byzantion*.

А. Ю. Чернов

Государственный исторический музей (Москва)

Почитание Богородицы в Константинополе и Москве в конце XIV–XV вв.

В конце XIV – первой половине XV в. Константинополь и Москва поддерживали тесные отношения. «Византийский фактор» сыграл важную роль в поддержании единства Русской православной церкви и приоритета Великого княжества Московского в деле воссоединения русских земель³. Этот фактор выражался не только в дипломатических усилиях митрополитов-греков, но и в переносе на русскую почву определенных церковных практик, имеющих большое идеологическое значение для агонизирующей империи. Главной и наиболее актуальной практикой было почитание Богородицы в образе Взбранной Воеводы, небесной защитницы христиан от нападений агарян.

В историографии не существует полноценных исследований, сравнивающих константинопольскую и московскую богородичные традиции. Крайне редко историки и искусствоведы объединяют усилия и рассматривают письменные и изобразительные источники вкуче. Между тем сопоставление греческих и русских памятников дает интересные результаты, позволяющие судить о начальном этапе рецепции поздневизантийской идеологии в Мо-

¹ *Успенский Ф.И.* Очерки истории... С. 7.

² Там же. С. 156.

³ *Малетю Е. И.* Средневековая Русь и Константинополь. Дипломатические отношения в конце XIV – середине XV в. М., 2018.

сковском княжестве. Кроме того, отечественные изобразительные источники позволяют в определенной мере реконструировать византийские прототипы.

Почитание Богородицы как заступницы-воеводы издавна существовало в Константинополе и берет начало с аваро-славянской осады 626 г., первого нападения варваров на византийскую столицу. Тогда по инициативе константинопольского патриарха Сергия I (610–638) победа над врагом впервые была приписана образу Девы Марии, чье присутствие на поле боя, как верили горожане, решило исход сражения в пользу византийцев. В IX–XII вв. эта богородичная традиция окончательно утверждается в литургической и церемониальной жизни столицы. Церковь окончательно объединяет торжественное богослужение Субботы Акафиста с памятью о чудесах, совершенных Божией Матерью ради константинопольцев¹.

В конце XIV–первой половине XV в., когда Византия постоянно находилась под угрозой захвата турками-османами, почитание Богородицы как хранительницы царственного града возобновляется. Жители столицы ежегодно устраивают торжественные процессии с выносом образа Приснодевы из монастыря Панагии Одигитрии во Влахернский дворец. В целом ряде сочинений разных жанров (гомилиях, исторических повествованиях, стихах и поэмах) византийские писатели прославляют «чудные дела» Богоматери, благодаря которым Константинополь был избавлен от осад, инициированных султанами Баязидом I (в 1394–1402 гг.) и Мурадом II (в 1422 г.).

26 августа 1395 г. грек Киприан, митрополит Киевский и всяя Руси (1389–1406), организует торжественную процессию переноса образа Божией Матери из Владимира в Москву для защиты от великого эмира Тамерлана (1370–1405). В тот же день завоеватель отступает, и его уход однозначно расценивается как чудо и заступничество Приснодевы². Вскоре, согласно русскому летописцу, небесная заступница снова спасает Москву теперь от нападения ордынского эмира Едигея (1408 г.)³. Следовательно, при великом князе Василии I (1389–1425) в Москве Богородица почитается также, как в Константинополе.

Во время великого княжения Василия II (1425–1462) и Ивана III (1462–1505) почитание Девы Марии как Взбранной Воеводы вместе с празднованием Субботы Акафиста все более укореняется в Московском княжестве. В Благовещенском соборе Кремля хранится сначала оригинал, затем копия Смоленской иконы типа «Одигитрия», восходящей прямо к константино-

---

¹ *Pentcheva B.* The supernatural protector of Constantinople: the Virgin and her icons in the tradition of the Avar siege // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2002. Vol. 26. P. 4–5, 22–27.

² Степенная Книга царского родословия: тексты и комментарий. М., 2008. Т. 2: Степени XI–XVII. Ст. XIII. Гл. 24. Л. 485 об. – 506 об.

³ Сказание о нашествии Едигея // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6: XIV–середина XV века. С. 250.

польскому образу «Богородицы Влахернитиссы». В 1480 г. в столицу окончательно переносят Владимирскую икону в честь избавления от хана Ахмата (1460–1481). Одновременно в Москве фиксируется иконография ритуала: на иконе «Похвала Богоматери, с Акафистом» (вторая половина XIV в., ГММК) и пелене подвесной «Вынос образа Богородицы Одигитрии» Елены Волошанки (конец XV – начало XVI в., ГИМ). Эта иконография, несомненно, имеет византийские корни и является традиционной для всего православного мира. Иллюстрируя слова из гимна Акафиста, она изображает идеальную модель православного государства во главе с Божией Матерью¹. Таким образом, заимствуя константинопольский обряд почитания Приснодевы, великие князья московские (осознанно или нет) переносят на русскую почву центральный компонент поздневизантийской идеологии.

Д. А. Черноглазов

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

**Псевдо-Либаний и Эразм Роттердамский:
византийская эпистолярная теория в западноевропейской
рецепции²**

Греческая эпистолярная теория хорошо известна в Западной Европе эпохи Возрождения. Трактаты «Типы писем» Псевдо-Деметрия (I в.) и, в особенности, «Стили писем» Псевдо-Либания (IV–V вв.) многократно издаются и переводятся на латинский язык. Мы находим отзывы об этих письмовниках – как восторженные, так и критические. Наконец, греческая теория письма влияет на западноевропейскую *ars epistolandi*: например, из 20 типов писем, выделяемых в трактате *De modo epistolandi* Франческо Негро, почти все представлены в греческих письмовниках, а Эразм Роттердамский открывает свой учебник *Conficiendarum epistolarum formula* прямой цитатой из «Стилей писем» Псевдо-Либания.

Несмотря на то, что эпистолярная теория эпохи Возрождения обстоятельно изучена³, отсутствуют научные работы, специально посвященные рецепции греческих письмовников в западноевропейской науке и учебной литературе. Предмет настоящего доклада – латинские переводы «Стилей писем» Псевдо-Либания (далее – PL) XVI в. Анализируются методы работы перевод-

---

¹ Преображенский А. С. Ктиторские портреты средневековой Руси. XI – начало XVI века. М., 2010. С. 483.

² Исследование осуществляется при содействии РФФИ, проект № 18–011–00669 «Риторические стратегии в истории византийской литературы».

³ См., напр.: *Vaños P.M. El arte epistolar en el Renacimiento europeo 1400–1600.* Bilbao, 2005; *Mack P. A History of Renaissance Rhetoric (1380–1620).* Oxford, 2011. P. 228–256.